

ЭПИСТЕМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕМЕН: О КОНЦЕПТУАЛЬНОМ ПОЛЕВОМ ИССЛЕДОВАНИИ И ВРЕМЕННОМ ИЗМЕРЕНИИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ. Резюме

Феликс Рингель

В статье я привожу три кейса концептуального вмешательства, целью которого стало исследование методологического потенциала экспериментальной формы полевой работы. Мое поле – немецкий город Хойерсверда, население которого уменьшается быстрее, чем в любом другом городе Германии. Это исследование – мой ответ на приглашение Николая Ссорина-Чайкова, инициировавшего подготовку этого номера, пересмотреть «этнографический концептуализм» как многообещающий способ привлечения информантов. Появление этого способа методологического вмешательства очень своевременно, учитывая «кризисы» поиска значения, с которыми сталкиваются антропологи всего мира. Хойерсверда представляет собой особенно полезный кейс, для того чтобы проверить потенциал подобных практик вмешательства в поле. Отчасти это происходит потому, что Хойерсверда – как и многие другие места, о которых идет речь в этом номере журнала – является частью постсоциалистического пространства. Однако Хойерсверда являет собой также и превосходный пример постиндустриальных перемен. Он подвергся весьма непредвиденным изменениям: уже более половины населения, насчитывавшего ранее семьдесят тысяч человек, покинули город; примерно треть городского ландшафта на данный момент демонтирована; за последние четыре десятилетия средний возраст жителей увеличился вдвое. Вследствие этих изменений людьми, живущими в Хойерсверде, была сформирована динамичная публичная сфера, в которой знание города горячо обсуждается и само постоянно находится в процессе изменений.

В статье поставлен вопрос: следует ли такую динамичную локальную экономику знания изучать альтернативным образом – то есть концептуально и более открыто. Это поможет, как говорится, убить двух зайцев сразу: во-первых, обеспечит новаторский подход к изменениям в локальных знаниях (практиках); во-вторых, создаст так называемое эпистемическое сотрудничество – режим совместного исследования городского проблемного настоящего полевым исследователем и его информантами. Подобное сотрудничество зависит от усилий этнографа, модифицирует его позицию в процессе полевой работы. Поставлю вопрос иначе: каким

образом антрополог в поле должен изучать постоянно меняющую свою конфигурацию локальное знание, чтобы адаптироваться к изменчивым социоэкономическим обстоятельствам? В качестве ответа на этот вопрос я представляю иную форму отношений и сотрудничества с людьми, которых мы изучаем *во время* работы в поле, что требует другого временного измерения (*timing*) распространения антропологического знания. То, что я называю концептуальной полевой работой, является формой исследовательского вмешательства при изучении местной экономики знания. Она формирует объекты нашего анализа как постоянно подверженные переменам и их эпистемическим рефлексиям (*epistemic repercussions*).

Во вступительной части статьи я излагаю свое понимание концептуальной полевой работы как варианта этнографического концептуализма, который позволяет исследовать эпистемические рефлексии социоэкономических изменений с помощью практик полевого вмешательства. Основная часть статьи посвящена подробному рассмотрению трех этнографических кейсов. Каждый из них состоит из ряда случаев эпистемического сотрудничества в моей полевой работе. Публикация еженедельных колонок антропологической тематики в местной газете, антропологический исследовательский лагерь для местной молодежи и общественный арт-проект в подготовленном к сносу многоквартирном доме времен социализма – все эти кейсы как этнографические инструменты могут быть подвергнуты критике за то, что вносят изменения в поле. Однако мои информанты постоянно занимаются подстройкой собственных концепций и нарративов с целью осмысления нынешних стремительных изменений. Мое активное участие в городских дебатах (то есть концептуальное полевое исследование) имеет целью превращение этнографического вмешательства из необходимого зла в методологическую добродетель. Все три кейса демонстрируют, каким образом концептуальная полевая работа порождает, во-первых, толкование отдельных аспектов локальной экономики знаний, во-вторых – детализированное исследование того, как некоторые из этих аспектов коллективно подвергаются сомнению и трансформации с моей стороны и со стороны моих информантов. Как показывает моя хроника практик полевого вмешательства, все они проникают в суть локальной экономики знаний, которая в другом случае, вероятно, оказалась бы недоступна.

Важно упомянуть, что я не хочу представлять информантов в качестве пассивных участников стремительных перемен, влияющих на их повседневную и профессиональную жизнь, хотя и полагаю, что подобное сотрудничество находится в сфере того, что я называю «эпистемическим кризисом». Активное динамическое участие в переменных требует от полевого исследователя большего включения в жизнь информантов. В ходе анализа я использую слово «эпистемический» для обозначения всех аспектов локальной экономики знания, таких как отдельные нарративы, доминирующие идеи, спорные значения. Что касается слова «концептуальный», то здесь я, напротив, стремлюсь к пониманию этого определения как характеристики одной из разновидностей полевой работы, предполагающей вмешательство. Кроме того, здесь обыгрывается и значение понятия, которое привычно используется для обозначения вмешательства в сфере искусства и – более широко – в антропологии: концептуальный художник/этнограф вмешивается в

процесс на *концептуальном* уровне. Проведение *концептуального* полевого исследования в области знания основано на этом двойном понимании концептуального, что меняет наш подход к локальному знанию, которое, будучи объектом исследования, считается изначально переменчивым/меняющимся и спорным/оспариваемым. Эта динамическая, сложная и процессуальная интерпретация прежде всего позволяет нам вмешиваться в практики локального знания. Именно по этим причинам понятие «эпистемическое сотрудничество» отличается от модной ныне «коллективной», «включенной» и/или «публичной» антропологии. Несмотря на то, что я целиком вовлечен в заботы и проблемы своих информантов, мое вмешательство мотивировано не растущей надеждой на то, что антропологическое знание может оказать некое влияние в отношении активизма, политики или революции – скорее, я представляю концептуальное полевое исследование в качестве методологического и эвристического инструмента. Мой этнографический материал проходит полный цикл, начиная от соображений по поводу репрезентации и методологии, форм вмешательства, заканчивая собственно арт-проектом, где язык искусства и метод, пробуждающий в обществе надежду, играют доминирующую роль. Следовательно, «эпистемическое» включает как репрезентативные, так и нерепрезентативные аспекты в отношении локальной экономики знания и сотрудничества, возникающего в ее рамках.

Первый кейс – еженедельные колонки в местных газетах – повлек за собой установление непосредственного контакта между гражданами Хойерсверды и внешним наблюдателем/антропологом. Практики письма и чтения колонок продолжали формировать и укреплять раскол между внутренней и внешней перспективами. Они создавали чувство единства поля по отношению к внешнему наблюдателю-комментатору, перформативно собирая город Хойерсверда и его жителей в единое целое. Антрополог, наделенный способностью внешней экспертизы и представительскими полномочиями, в этом процессе предоставил фон для социальной саморефлексии многих жителей Хойерсверды, позволяя таким образом ре-проблематизировать и пересмотреть отдельные аспекты локального курса быстрого сокращения города и городского будущего в целом. В статье я в деталях показываю, как это привело к возникновению новых идей и дебатов.

Мне, в свою очередь, это помогло сделать многочисленные интуитивные «открытия», касающиеся локальной эпистемической динамики. В частности, в самом начале работы над текстами своей колонки возник вопрос самоцензуры. Некоторые реакции отдельных людей и общества в целом (такие, например, как замечания моих друзей или информантов, письмо редактору газеты), полученные в период моего сотрудничества с газетой, подтвердили существование определенного политического конфликта и изменение местной власти. Важнее, однако, оказался другой результат. В основе моего вмешательства в жизнь Хойерсверды лежала надежда получить «лучшее знание» и спровоцировать участие активных горожан в публичной жизни города. Однако отсутствие агрессивной реакции на критические тексты показало, что ни мои надежды, ни стремления наиболее активных горожан получить «лучшее знание» не оправдались. Мои аргументы, новые перспективы и смелые идеи, о которых шла речь в опубликованных материалах, не

привели к желанному результату. Я пришел к выводу, что моя вера в возможность изменения отношения, знания и взглядов тех, кто официально отвечает за будущее города, довольно-таки наивна. В результате я был разочарован и чувствовал себя беспомощно, как и многие мои друзья, которые на протяжении долгого времени пытались убедить членов городского совета и административную элиту города, приводя весомые, на их взгляд, аргументы. Тем не менее, именно это разочарование подтолкнуло меня к использованию новой методологии, полагающейся на силу знания. Как я показываю в своей статье, влияние публично рассеянного знания имеет сложный и расплывчатый характер – и оно требовало другого методологического подхода. С эвристической и методологической точки зрения, колонки оказались очень продуктивной формой концептуального вмешательства.

Если колонки производили и распространяли антропологическое знание в режиме реального времени, то второй кейс – этнографический исследовательский молодежный лагерь – работал в течение недели и был посвящен определяющей методологии нашей дисциплины. В лагере «AnthroCamp08» я рассказывал об этом методе, приводя его в качестве инструкции к самостоятельным полевым исследовательским проектам, и проводил параллели с широко известной стратегией раннего концептуального искусства. Как и в проекте с газетами, коллективное исследование на «AnthroCamp» сделало доступными новые аспекты локальной экономики знаний. Однако новаторские идеи четырех исследовательских групп, касающиеся бедности, страха, молодежного потребления алкоголя в Хойерсверде, а также жизни в самом новом районе города, где численность населения сокращается быстрее всего, произвели и распространили знания, которые до этого не были частью публичных дискурсов. Как заметил один из слушателей финальной презентации результатов исследования, проект изменил публичные дискурсы, вернув в них «социальное». Знания, произведенные этим методом полевой работы, изначально противоречили доминантному, в других отношениях количественно-ориентированному пути мышления и разговора о процессе сокращения города Хойерсверды. Лагерь, который оказался весьма успешным мероприятием, сделал мою работу в городе более прозрачной и открытой для общественной критики. Это лучшим образом доказало ценность антропологического поиска в более широком смысле, открыв дорогу к дальнейшему эпистемическому сотрудничеству.

В последнем кейсе я переключаюсь с форм вмешательства, большей частью основанных на репрезентации, на эмоциональные результаты, производимые в рамках общественного арт-проекта «Paintblock», который я инициировал в качестве последней попытки полевого сотрудничества. Я описываю, как более трехсот участников – жителей Хойерсверды – использовали тридцать шесть квартир подлежащего сносу дома в самом новом квартале города для коллективной художественной практики. Идея проекта проста: до сноса дома все желающие были приглашены заполнить его квартиры – как сформулировал это один мой приятель – «искусством, жизнью и смехом» в грандиозном общественном порыве. Участники выбирали любую покинутую комнату, лестницу или балкон. Популярностью пользовался фасад, выходящий на трассу с интенсивным движением. Организаторы предоставляли

краски, кисти, лестницы, ведерки и все, что могло понадобиться для последнего украшения этого пустого дома и квартала.

Большинство работ, нарисованных за две недели проекта, содержат комментарий по поводу нынешних и будущих проблем города. Художественные практики содействовали (в основном эмоционально) возникновению у художников новой позиции по отношению к родному городу – позиции, которая замещала пассивное восприятие сокращения численности населения в городе. Активная позиция помогла временно переосмыслить городское настоящее и будущее (и его публичный дискурс). Даже после окончания проект оставался удивительно неностальгичным: это видно из многочисленных бесед, воспоминаний, дискуссий, газетных статей и визуального материала. Как заметили многие участники, проект создал более позитивное отношение к их родному городу, благодаря ему был сделан некий эмоциональный скачок в понимании Хойерсверды. К удивлению участников проекта, снос здания оказался не таким болезненным, как ожидалось. Опыт последнего пребывания в квартале сделал это событие терпимым для жителей, тогда как в противном случае оно было бы событием мрачным, бессмысленным, неотвратимым и лишаящим надежды.

Как показывают эти кейсы, концептуальное полевое исследование позволило мне включиться в процесс, происходящий в городской экономике знаний, который иначе остался бы для меня как для исследователя недостижимым: будь то переосмысление процесса сокращения населения или городского будущего в целом. Мои концептуальные проекты стали частью этого процесса и сформировали новую позицию по отношению к противоречивому городскому настоящему. В статье я показываю, как и почему эти проекты оказались исключительно полезными при изучении эпистемических изменений в трансформирующемся поле.

В качестве последнего аргумента сделаю замечание об актуальности подобных методологических выкладок с точки зрения истории дисциплины. Я пересматриваю временное измерение антропологического знания и выступаю за более подходящую стратегию репрезентации антропологического знания в режиме реального времени и за облегчение эпистемического сотрудничества в процессе полевой работы. Эта посылка находится в русле тех исследований, в которых представлена рефлексия над этнографической практикой, особенно – работ Пола Рабинова. Интерес Рабинова к эпистемическим сдвигам привел его к созданию новых форм коллективных исследовательских практик, в частности таких, которые осуществляются *до* и *после* собственно полевой работы. Дополняя его методологию, я показываю, как можно *во время* полевой работы устанавливать отношения эпистемического сотрудничества между исследователем и информантами в том случае, если разница в их знаниях не глобальна, но характеризуется различиями методов, режимов и задач производства знания. Таков мой ответ на сделанное Рабиновым наблюдение об отставании антропологической репрезентации от современных эпистемических изменений.

Мой этнографический материал показывает, что концептуальная полевая работа, в противоположность сотрудничеству в области науки и техники, может иметь применение вне зависимости от различий между информантами-экспертами

и не-экспертами, или же между профессионалом и «бытовым» практиком. Последнее различие, как это показано в статье, включает предполагаемую, в соответствии с расхожим мнением, разницу между хорошо осведомленным информантом и плохо осведомленным антропологом, проявляющуюся *во время* полевой работы, и смену этих ролей *после* полевой работы, когда антрополог восстанавливает эпистемический и репрезентативный авторитет. Концептуальное полевое исследование со всей серьезностью воспринимает проблему современности полевой работы. Существует множество нестабильных и малоизученных полей, в которых работают антропологи. Здесь они должны активно участвовать в процессах формирования знаний, чтобы пролить свет новой этнографической теории на ту роль, которую играет знание в процессах перехода.

Концептуальная работа в поле играет активную роль в различных динамических локальных эпистемических процессах. Она приглашает антропологов к созданию активного и заинтересованного комментария, практике исследования знания, прямому участию в локальном производстве смыслов. В том, что касается методологии, данная статья показывает, что правильное временное измерение для публичного антропологического вмешательства включает в себя время *на протяжении* полевой работы; мы должны оставаться на волне эпистемических изменений в режиме реального времени – даже если это подразумевает наше участие в них.

Перевод с английского Аси Воронковой